

УДК 930.23:94(477.87)"1944-1950"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/11

Методология исследований советизации Закарпатья 1944–1950 гг.

В.В. Мищанин

Ужгородский национальный университет
Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3
E-mail: vasyi.mistchanyn@uzhnu.edu.ua

Авторское резюме

Проанализирована современная методология исследований советизации Закарпатья 1944–1950 гг. Рассмотрены наработки отдельных авторов, опубликованных в индивидуальных (Н. Макара, В. Мищанин) и коллективных монографиях (Н. Макара, Р. Официнский). Несмотря на попытки учёных представить этот процесс в причинно-следственных связях, говорить о серьёзной методологической базе ещё рано. Для лучшего понимания советизации в конкретном регионе (Закарпатье) надо посмотреть на историческое и географическое пространство. Нынешнему исследователю следует выйти за узкие рамки регионального подхода в изучении советизации Закарпатья. Используя методику сравнительного анализа, можно сравнить послевоенные преобразования с подобными процессами в западных областях Украины, Белоруссии, Балтийских республиках, а также в странах Центрально-Восточной Европы (Э. Эпплбом). Но не стоит пренебрегать историческими особенностями края – его полиэтничностью, поликультурностью, поликонфессиональностью (С. Макарчук). Для этого подойдёт эпистемологический подход, который в своём исследовании использует П.Р. Магочий. Критическим взглядом послевоенную политику советской власти оценивала украинская эмиграция. В частности, В. Маркусь называет присоединением вхождение Закарпатья в Советскую Украину. В «Энциклопедии украиноведения», напечатанной в 1984–1993 гг. в Канаде, анализируются многие аспекты советских преобразований в Украинской ССР. Современному исследователю следует чётко разобраться в понятиях «тоталитаризм» (Х. Арендт), «советизация», «социалистический вариант модернизации» (С. Гавров), дефинициях «транзит», «трансформация» и т. д. Указываны некоторые ошибки современных учёных, занимающихся проблемами советизации края. Таким образом, проблема советизации Закарпатья ещё пребывает в стадии разработки и усовершенствования. Многогранность исследуемой проблемы обуславливает необходимость междисциплинарных подходов с исполь-

зованием инструментария истории, экономики, права, статистики, политологии, обществоведения, этнологии, культурологии.

Ключевые слова: советизация, Закарпатье, методология, методы.

Methodology of the research of the Transcarpathia Sovietization in 1944–1950

V.V. Mishchanyn

Uzhgorod National University
3 People's Square, Uzhhorod, 88000, Ukraine
E-mail: vasyL.mistchanyn@uzhnu.edu.ua

Abstract

The article analyzes the modern methodology of the Transcarpathia Sovietization research in 1944–1950. Though there are individual (N. Makara, V. Mishchanyn) and collective monographs (N. Makara, R. Ofitsynsky), it is too early to speak about a serious methodological base to present the causal links of this process. A better understanding of Sovietization in Transcarpathia requires studying the historical and geographical space. A contemporary researcher should go beyond the narrowed framework of the regional approach in the study of the Sovietization in Transcarpathia and compare its post-war transformations with those in Western Ukraine, Belarus, the Baltic Republics, Central and Eastern Europe (A. Applebaum) using the methodology of comparative analysis. The epistemological approach employed by P.R. Magocsi can be used to study the historical specificity of the region with its multi-ethnicity, multiculturalism, multiconfessionality (S. Makarchuk). The Ukrainian emigration was rather critical of the post-war policy of the Soviet regime. In particular, V. Markus defines the entry of Transcarpathia into Soviet Ukraine as annexation. *The Encyclopedia of Ukraine* published in the 1950s and 1980s in Canada analyzes many aspects of Sovietization in the Ukrainian SSR. A contemporary researcher should clearly understand such concepts as “totalitarianism” (H. Arendt), “Sovietization”, “socialist version of modernization” (S. Gavrov), “transit”, “transformation”, etc. The article also points out some errors of scholars studying the problems of Sovietization in the region. Thus, the problem of Sovietization of Transcarpathia is still under development. Its multifaceted nature requires interdisciplinary approaches using the tools of history, economics, law, statistics, political science, social science, ethnology, and cultural studies.

Keywords: Sovietization, Transcarpathia, methodology, methods.

С одной стороны, на формирование подходов постсоветской историографии уже длительное время в той или иной степени влияют концепции западных учёных. С другой стороны, даже на уровне учебников утвердилось уже давно используемое на Западе толкование послевоенных процессов на западноукраинских землях как целенаправленной «советизации» [21]. Этот термин имеет ограниченное использование в зарубежной историографии, хотя и отрицать целесообразность его применения не стоит. Даже этот момент дефинитивного словоупотребления показывает: говорить о том, что современная украинская историография по проблеме послевоенной советизации Закарпатья имеет определенную методологическую базу, ещё рано. Поэтому понятным является своеобразный методологический эклектизм, который проявляется в специальных публикациях по развитию Закарпатья в 1944–1950 гг. Им отмечено, например, довольно обстоятельное исследование М. Макары [8], третий том коллективной монографии «Очерков истории Закарпатья» [9–11], тематические подразделения синтетического издания «Закарпатье 1919–2009 годов» [17–19]. Надо отметить, что подведение под конкретно исторические студии современного методологического базиса уже давно назрело, поскольку установление фактов и даже их расположение в определенной системе причинно-следственных связей хотя и является возможным и нужным, но ограничение чисто этим одним познавательным подходом неопозитивистского толка уже давно себя исчерпало.

Очевидным и неоспоримым является то эпистемное положение, что все события в прошлом разворачивались в условиях определённого времени и пространства, с участием определённого круга лиц и структур. Указанные сущностные свойства исторических действий и событий наполняют их временно-пространственной конкретикой, отражают их соответствие определённым общим тенденциям, демонстрируют повторяемость при схожих обстоятельствах или могут продемонстрировать их уникальность.

Соответственно, применение территориального измерения является условием научного описания и интерпретации исторических процессов с точки зрения компаратива, что создаёт возможность выделения общего, особенного, единичного. Это помогает оптимально решить познавательную дилемму в дихотомии фактописания на позитивистский манер и социальной закономерности, позволяя найти между этими полюсами золотую середину в формате определённой модели непротиворечивого исторического объяснения, которое подвергается верификации на предмет логичности, доказательности и соответствия истине.

Поэтому понятие исторического пространства – одно из ключевых в исторической науке, его определение является необходимым условием для построения научной концепции в соответствии с желаемой степенью обобщения. Под историческим пространством понимается совокупность экономических, природно-географических, социально-культурных и политических процессов, которые происходят на определённой территории в определённый отрезок времени [25]. Тем самым географическое пространство в его онтологическом смысле превращается в историческое, а определение территориальных рамок приобретает специфические смыслы, обусловленные очеловеченностью, социализацией пространства.

Совершенно очевидно, что историческое пространство нестабильно. На одной и той же территории на протяжении веков могут эволюционировать и изменяться совершенно разные государственные формы, культурно-цивилизационные образования, происходить миграции этносов, спонтанные или искусственно обусловленные. Иногда государство «перемещается» по карте, и его современные границы уже не совпадают с местом первоначальной локализации. Историческое пространство также сакрализуется и приобретает тесную связь с национальными и имперскими идеологемами, мифами об исторической прародине, «исконных территориях», о «законных территориальных претензиях», «наших землях» и т. д. У всех народов бытуют подобные мифологемы как в отношении себя, так и в отношении других. Частично они основаны на исторических реалиях, прецедентах, частично представляют собой идеальные или даже идеологические конструкты. Такие исторические и социокультурные представления относятся уже к сфере ментальной географии, которая часто становится побуждением к значимым политическим действиям [25].

Если конкретизировать эти пространственные теоретические предпосылки данного исследования, отметим, что регион Закарпатье достаточно чётко определён в системе географических координат благодаря естественным контурам и ареалу расселения этносов.

Следует обратить внимание на традиционное преобладание узкого регионального подхода к изучению историками темы советизации Закарпатья, свойственного для краевой историографии. Подобное имело место довольно длительное время. Отсюда следует очевидная провинциальность, склонность к научной самоизоляции и искусственному акцентированию региональной специфики, в т. ч. и не без идейно-политических коннотаций момента, поскольку исторические процессы в крае в послевоенное время выпадают из общего украинского контекста. Таким образом, теряется масштаб исторического

мировоззрения, который сужается до сугубо локального. Но не стоит пренебрегать методикой сравнительного анализа послевоенных изменений в Закарпатье с процессами подобных преобразований того времени не только в западных областях Украины, но и в соседних странах Центрально-Восточной Европы – Чехословакии, Венгрии, Румынии, Польше, странах Балтии. Считаем, что выход за узкие региональные пределы является необходимым условием панорамного видения и понимания, поскольку он позволяет более основательно осветить суть и последствия советизации Закарпатья с позиций выделения общего и особенного.

В познавательном отношении следует пройти между Сциллой теоретического, структурно-системного обобщения и Харибдой чрезмерной временно-пространственной конкретизации. На этот познавательный феномен обратила внимание британская ученая Хиллари Патнэм. Она вела речь о том, что истина не может быть просто рациональной приемлемостью с какой-то одной фундаментальной причины. Как в нашем случае, допустим, советизация, тоталитарный транзит охватили все страны и регионы, которые попали в сферу влияния СССР на завершающем этапе Второй мировой войны. Истина является определённой идеализацией этой приемлемости, как бы образцом идеальных условий. Но если перейти от уровня обобщения к конкретике, то мы сразу же видим национальные и региональные варианты советизации, создание тотального контроля коммунистической верхушки над обществом. В каждом случае речь идёт о темпах и степени соответствия идеальной модели. Т. е. рациональная приемлемость, по Г. Патнэм, превращается в дело меры [20: 66–67].

Соответственно, принципиальным является то, что не стоит избегать пространственной конкретизации фокуса рассмотрения исследовательской проблемы тоталитарного транзита согласовано со спецификой региона Закарпатья. Принципиальной особенностью и прошлого, и настоящего края являются его полиэтничность, поликультурность, поликонфессиональность. Поэтому, например, С. Макаруч пишет о Закарпатье не как об этнографически однородном районе, а как об ареале, крае, на сравнительно небольшой территории которого наблюдаются разнообразные этнографические особенности и этнические традиционно-бытовые реалии и культурные взаимовлияния, обусловленные объективными природными, многовековыми политическими и экономическими условиями его исторического бытия. Многовековое сосуществование и взаимодействие украинцев-закарпатцев с представителями различных национальных меньшинств существенно отразилось в различных срезях материаль-

ной и духовной культуры местного населения. В то же время в этом сложном комплексе культурных пересечений, наслоений и влияний чётко прослеживается субстрат этнокультурного единства и общности закарпатских украинцев (или, как они называли себя ещё в недавнем прошлом, русинов) с основным материком украинского народа [12]. Это и составляет специфику Закарпатья.

Продуктивным с познавательной точки зрения и, как ни странно, не очень распространённым в украинской историографии является эпистемологический подход, который реализовал в своём обобщающем издании по истории Украины известный канадский учёный украинского происхождения П.Р. Магочий. Речь идёт об историко-географической объектности его исследования, в котором он рассматривает не только и не столько историю украинского этноса, сколько историю народов, населявших территорию современной Украины, которая формировалась и структурировалась на протяжении веков [7: 18–19]. Ведь не только опыт влиятельной в мировой историографии XX в. французской школы «Анналов», но и американской гуманитаристики и обществоведения демонстрирует успешность подобного географического измерения, которое генерирует новые модели научного видения и способствует формированию положений и выводов концептуального характера. Из этого мы делаем предварительный вывод: П.Р. Магочий применил к истории Украины те эпистемологические подходы, которые давно и продуктивно используются в историографии.

У нас не возникает сомнений, что общая историческая тенденция, свойственная для всей Восточной Европы первого послевоенного пятилетия, заключалась в формировании уподобления советской модели огосударственной экономики, тоталитарно-вождистской политической системы и особой тоталитарной ментальности. Но в каждом отдельном случае имели место как проявления общей тенденции, так и масса конкретных, обусловленных условиями определённой страны / региона особенностей. Их выяснение в отношении Закарпатья и составляет в общем понимании наше исследовательское задание.

При этом целесообразно использовать чёткий понятийно-категориальный аппарат. В частности, адекватному раскрытию темы способствовали бы уточнение понятий «советизация», «тоталитаризм» и системный анализ исторических процессов на основе этих дефиниций или же их модификаций. По справедливому замечанию Энн Эпплбаум, некоторые исследователи воспринимали термин «тоталитаризм» как грубый, неточный и открыто заидеологизированный. Но немногие согласны с тем, что тоталитарные режимы способны обеспечить полноценное функционирование государства [5: 14].

Классическими считаются студии, касающиеся феномена тоталитаризма и его системного и исторического понимания, которые в своё время представила в ряде блестящих работ Ханна Арендт. Во-первых, она поставила на одну ступень два варианта тоталитаризма, которые на самом деле являются разными сторонами одной медали: национал-социалистический и интернационал-большевистский. Во-вторых, Х. Арендт, проанализировав истоки тоталитаризма, правомерно поставила вопрос о конкретно-исторической доле ответственности различных составляющих общества, метаморфозах принципа классовости и партийности, специфической роли бюрократии и партийной элиты. Наконец, на что обращается почему-то меньше внимания: исследовательница представила динамическую модель формирования тоталитарных обществ. Правила игры были известными. Но утверждение тоталитаризма после временного его ослабления в Советском Союзе во время войны – это был процесс, а не момент. Большевизация сателлитов началась по тактике народного фронта и застенчивой парламентской системы. Хотя установление однопартийной диктатуры произошло достаточно быстро. Причём особую роль в этом сыграли не местные коммунисты, а агенты Москвы [1: 26–27]. Это во многих местах отмечает Энн Эпплбом.

Кстати, коммунистическую партократию как общественно-политический слой оценивают и изучают как в конкретно-историческом, так и в обществоведческом смысле с точки зрения элитологии. Блестящий французский антрополог Жорж Баландые отмечает, что понятие должности или обязанности с титулом дополняет понятие ранга слоя или состояния. Оно демонстрирует политическую власть и её собственную иерархию по отношению к социальной стратификации [2: 91]. Что и говорить: своеобразная кастовая замкнутость коммунистической партийной элиты и её репродуцирование на недемократических основаниях кооптации, или же безальтернативных «выборах», стали наглядным воплощением тоталитарной диктаторско-вождистской модели партийно-политической системы, которая является родовым признаком сообществ иногда домодерных или же таких, где основы демократии слабо укоренившиеся и неустойчивые. Эти рассуждения могут быть прямо соотнесены с региональным историческим опытом.

Исследуя теоретико-методологические основы советизации Закарпатья, не можем не воспользоваться опытом, накопленным в обществоведении, в частности в исследовании проблем модернизации политических и социальных систем. Социалистический общественный проект трактуется в литературе как альтернативный, который противопоставлялся почти безоговорочно доминирующей западной либеральной модели модернизации в течение большей

части прошлого века. Этот проект представлял собой отчаянную попытку достичь количественных экономических показателей государств модерности. Социалистические варианты модернизации, практиковавшиеся в течение XX в. в разных странах мира, прежде всего в СССР, если говорить о своеобразной эталонной модели, были, несмотря на все идеологические разногласия, лишь одним из ответвлений общего модернизационного процесса, адаптационной реакцией незападных обществ. Не случайно, что за традиционным ареалом западной модерности был воспринят именно социалистический вариант модернизации, поскольку именно он коррелировал с коллективистской ментальностью незападных обществ. Насколько социализм близок коллективизму Азии, настолько же он далёк от индивидуалистической евроатлантической цивилизации, где его шансы очень малы [3: 36–43]. По нашему мнению, это утверждение достаточно убедительно объясняет быстрый крах тоталитаризма в странах Центрально-Восточной Европы после 1989 г. Оно может применяться также в качестве аргумента о чужеродности социалистической модернизации для стран и обществ Центрально-Восточной Европы, которые со времен своей суверенизации, начиная с последней трети XIX в., выразительно тяготели к либерально-демократическому варианту модернизации. Но в результате их системной отсталости и длительной оторванности от Запада этот вариант воплощался не сразу же, нелинейно и имел достаточно выразительные варианты своего воплощения – от демократической Чехословакии к полуавторитарной Венгрии и Польше.

Рассматривая предметность любой историко-политической проблемы в её теоретико-методологическом и опытно-эмпирическом смысле, любой исследователь неизбежно выходит на категории, понятия, политические тенденции и закономерности, которые в системе и отдельно составляют инструментальный базис. Он является не просто необходимым, главное – позволяет доказательно решить тот или иной вопрос и даже гипотетически его выразить. Целостные дефиниции, которые охватывают системное единство составляющих компонентов, элементов, аспектов и сторон, противоречий и трудностей, причин и последствий, играют в познавательном отношении особую роль.

Речь идёт о взаимосвязанных дефинициях транзита, трансформации. В немецком обществоведении традиционное для американской политической науки понятие «транзит» было модифицировано посредством нейтрального в аксиологическом отношении концептуального понятия «трансформация». Трансформация может быть следствием транзита, как в нашем случае тоталитарного, а транзит –

трансформативным, которым он был в случаях переноса опыта модернизации, в частности социалистической.

Трансформация представляет собой динамический процесс модернизационных изменений разнообразных и многоуровневых связей между коллективными и индивидуальными субъектами в политической системе общества, её институтах, видах и формах деятельности. В понятие «трансформация» на базе его концептуальности более адекватно вписываются спонтанность и слабая управляемость процессов общественных изменений, поскольку акцентируется зависимость общественно-политических сдвигов не только от действий правящей элиты, но и массовых слоёв общества [22]. Эти характеристики понятия «трансформация» вполне могут быть взяты за основу рассмотрения данной проблемы.

Наконец, должны высказаться по социально-экономическому детерминизму, который долгое время обозначал исторические исследования по советизации Закарпаття. Историческая наука независимой Украины только критически и весьма ограниченным образом может полагаться на результаты и положения исследований предварительного советского периода. Это никоим образом не является нигилистским отрицанием большой научной разработки предыдущего этапа изучения проблемы. И это не вина отдельных учёных, ибо они вынуждены были творить только по существовавшим жёстким идеологическим нормам. Работы, которые хоть чуть противоречили «партийности» и «классовости», не имели шанса увидеть свет в советской Украине. Вместе с тем постоянная «корректировка» реального исторического процесса по упрощённой марксистской методологии, в т. ч. объяснения причин, хода, сути, последствий советизации Закарпаття по заранее заданному алгоритму, привела к длительному закреплению фальшивых штампов и стереотипов. Даже сейчас многим учёным трудно отказаться от проторенного когда-то пути марксистской историографии.

Проблематику советизации Закарпаття современные учёные рассматривают в нескольких аспектах. Во-первых, по инерции мышления в качестве основного рассматривается вопрос, связанный с коллективизацией края, ведь Закарпатье даже в чехословацкие времена сохраняло немало признаков домодерного уровня развития. До сих пор аграрный и другие срезы региональной истории изучаются через призму одной из трёх составляющих «ленинского плана строительства социализма» – индустриализации, коллективизации, культурной революции. Попутно отметим, что послевоенные аграрные преобразования в Закарпатье не исчерпывались тотально принудительным сгоном крестьян в колхозы. Ключевыми факторами

деградации закарпатского села стали следующие: уничтожение института частной собственности, прежде всего на землю; ликвидация мелкого товарного производства и регионального аграрного рынка; нивелирование социальной структуры села на принципах колхозной общины; пролетаризация крестьянства и изменение его ценностных векторов с ориентацией на город; создание маргинальных групп маятниковых работников, регулярно уезжавших на работу в город и возвращавшихся в деревню. К слову, сейчас произошло своеобразное возвращение к трудовой зарубежной эмиграции, что было присущим для начала XX в.

Во-вторых, выходу современных исследований по проблемам советизации Закарпатья за схоластические рамки тоталитарной идеологии помешал распространённый метод, который можно условно назвать «изменением полярности». Нередко тот самый фактологическо-событийный материал, ранее представленный в положительном свете, историки-конъюнктурщики после 1991 г. толковали негативно – и наоборот. Т. е. историческая оценка вытекала из механической смены «плюса» на «минус», а «минуса» на «плюс». Однако такое изменение «полярного» подхода не влияло на объект и предмет исследования, которые оставались в ранее зафиксированных марксизмом идеологических рамках.

В-третьих, история послевоенных изменений в Закарпатье в лучших традициях тоталитаризма оставалась безальтернативной, герметично «закрытой». Мол, события произошли – и точка, другого варианта развития исторического процесса и не могло быть. Это отражение мышления, характерного для ортодоксальной марксистско-ленинской школы исторического фатализма. Ведь получается, что в первые годы после окончания Второй мировой войны в Закарпатье не существовало альтернативных концепций общественных преобразований и их социальных носителей. А как объяснить идеологический плюрализм и многопартийность в крае в 1920–1930-х гг.? Разве не были в довоенные годы характерными для закарпатского села традиционные и новейшие формы кооперирования производственной и предпринимательской деятельности? Каким образом в досоветское время почти бесконфликтно в крае сосуществовали этнические сообщества и религиозные конфессии без внешней опеки? Разве не уроженцы края работали и были уважаемы в образовательных, научных или художественных кругах Европы?

Рассматривая советизацию в безальтернативном контексте, такой исследователь служит апологетом не научной, а чисто идеологической концепции о необратимости и закономерности как коллективизации, так и других социалистических модернизационных

преобразований. К этому нередко склоняются не только некоторые современные историки, но и представители других общественных наук. В то же время в условиях интеллектуальной свободы, на которой возводится здание современной исторической науки Украины, в свободной стране, нельзя отрицать право любого исследователя советских преобразований в Закарпатье на собственную концепцию, причём не обязательно обусловленную общепринятым мнением, без «внутреннего цензора» и других эвристических и познавательных ограничений. В конкуренции идей и подходов к проблеме и заключается суть научного плюрализма как важной методологической основы. Однако методологические стереотипы тоталитарного прошлого не могут определять парадигму, которая предлагается современному и грядущему поколению.

Критический взгляд на послевоенную политику советской власти в течение 1950–1980-х гг. откровенно выражали только историки из когорты украинской эмиграции, которая обосновалась в Западной Европе и Северной Америке. Показательными в первую очередь являются научные достижения закарпатцев, которые убежали от тоталитаризма в страны Запада. В 1956 г. на истории Закарпатской Украины концептуально остановился В. Маркус, выходец из закарпатского села Бедевля, в своей франкоязычной монографии, которая впервые была опубликована в Бельгии и переиздана на украинском языке в Киеве в 1993 г. Не отрицая положительных результатов некоторых послевоенных социально-экономических и культурно-образовательных преобразований, учёный указал на их ложную и бесперспективную политическую направленность [13]. Вхождение Закарпатья в состав Украины он называет не воссоединением, а присоединением, потому что это коммунистическая власть делала насильственными методами.

Как следует из «Энциклопедии украиноведения» (печаталась в течение 1984–1993 гг. в Канаде [28; 29], зарубежные учёные в методологическом смысле не представляют советизацию Закарпатья без коллективизации, без закрепощения в колхозах крестьян. При этом предлагается делать акцент на сравнительной оценке экономических показателей развития сельского хозяйства края в довоенные и послевоенные годы, а также с другими подобными регионами стран рыночной экономики. Т. е. следует применить два измерения – диахронический и синхронический.

К сожалению, очень не хватает специальных методологических работ по проблемам советизации не только Закарпатья, но и других регионов бывшего СССР [23]. Эту лауну отечественные историки пытаются заполнить заимствованиями у историков из украинской

диаспоры. В частности, на важные суждения с точки зрения освещения исторического фона и источников советизации Закарпатья наталкивают научно-мемуарные разведки непосредственных участников переломных событий в крае [26; 27]. Они смещают акцент с идеологических трафаретов на историю повседневности, стратегию и тактику выживания населения в условиях государственно-правовых преобразований, т. е. на познавательные подходы, которые свойственны западной историографии и которые целесообразно имплементировать в отечественные исследовательские практики.

Появлению методологических новаций способствует ряд публикаций по советской истории Закарпатья, вышедших на Украине в течение последнего десятилетия. Их следует разделить на несколько групп. Во-первых, это общие исследования по истории во всеукраинском и региональном измерениях, где проблемы послевоенной советизации рассматриваются в русле сжатой оценки исторического процесса в рамках этатистской парадигмы (закономерностей украинского государства). Во-вторых, вышли специальные работы по истории советизации, в т. ч. Закарпатья. Все эти работы профессиональных историков логично дополняются новыми опубликованными документами, значительную массу которых составляют архивные, закрытые ранее для доступа учёных и общественности.

Первая группа опубликованных работ имеет собственное внутреннее разделение. В её основе лежит не показатель обобщённого (синтезирующего) или регионального подхода, а принцип исторического плюрализма. С одной стороны, это научные публикации государственного толка, они закладывают мировоззренческие устои новой украинской историографии и раскрывают прежде всего общее в исторической эволюции различных территориальных сообществ украинской нации [4]. С другой – это исторические работы с акцентом на региональной специфике [6]. Конечно, без чувства любви к «маленькой родине» и локал-патриотизма невозможно убеждение в принадлежности к своей нации и государству.

Отметим, что в последние десятилетия послевоенная история Закарпатья стала предметом исследования не только украинских, но и зарубежных учёных из Словакии, Чехии, России, США, других стран [14–16; 24; 30; 31]. С одной стороны, это существенно обогатило источниковедческую базу и разнообразило методологию, а с другой – позволило закарпатским историкам выйти за рамки провинциального регионализма, рассмотреть историю края в контексте европейских и мировых цивилизационных и общественно-политических процессов. Также появились совместные исследования украинских и зарубежных ученых [32].

Мы – сторонники методологии, которая сочетает цивилизационный и стадийный подходы в изучении советизации региона [14: 49–54]. Она предусматривает применение методов синтеза исторического и логического, обеспечивает конкретно-исторический характер исследования в реальных временных (1944–1950-й гг.) и пространственных рамках с применением сравнения Закарпаття с другими регионами Украины, прежде всего – западными областями, а также с республиками СССР, странами Центрально-Восточной Европы. Теоретические обобщения проблематики невозможны без системного подхода, структурно-функционального и структурно-системного анализа. Раскрытие исторической взаимосвязи процессов и узловых вопросов проблемы невозможно без специальных научных методов: историко-генетического – для верификации исторических источников по советизации Закарпатской Украины; историко-сравнительного – для создания компаративной модели советизации Закарпаття и других регионов Украины, а также Беларуси, Балтии, стран Центрально-Восточной Европы; историко-типологического – для установления взаимосвязи общегосударственных и региональных тенденций политики советизации; историко-системного – для обеспечения целостности исследования и получения обоснованных обобщений и выводов.

Вместе с тем многогранность исследуемой проблемы обуславливает необходимость междисциплинарных подходов с использованием инструментария истории, экономики, права, статистики, политологии, обществоведения, этнологии, культурологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арендт Х.* Джерела тоталітаризму / Пер. з англ. Київ: Дух і літера, 2002. 539 с.
2. *Баландые Ж.* Политическая антропология / Пер. с франц. Е.А. Самарской. М.: Научный мир, 2001. 264 с.
3. *Гавров С.Н.* Модернизация России. Постимперский транзит / Пред. Л.С. Перепёлкин. М.: МГУДТ, 2010. 269 с.
4. *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної нації ХІХ–ХХ ст. Київ: Генеза, 1996. 360 с.
5. *Епплбом Е.* Залізна завіса. Приборкання Східної Європи 1944–1956 / Пер. з англ. І.В. Гарнік. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2017. 622 с.
6. *Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура* / Під ред. М. Вегеша, Ч. Фединець. Ужгород: Ліра, 2010. 716 с.
7. *Марочій П.Р.* Історія України. Київ: Критика, 2007. 639 с.

8. *Макара М.* Закарпатська Україна: шлях до возз'єднання, досвід розвитку (жовтень 1944 – січень 1946 рр.). Ужгород: Патент, 1995. 108 с.
9. *Макара М.* Ідеологічні та адміністративні заходи // Нариси історії Закарпаття в 3 т. Т. III. (1946–1991). Ужгород: Госпрозрахунковий редакційно-видавничий відділ управління у справах преси та інформації, 2003. С. 58–73.
10. *Макара М.* Утвердження радянського ладу // Нариси історії Закарпаття: в 3 т. Т. III. (1946–1991). Ужгород: Госпрозрахунковий редакційно-видавничий відділ управління у справах преси та інформації, 2003. С. 43–57.
11. *Макара М.* Формування органів влади на місцях. Вибори до Верховних Рад СРСР та УРСР // Нариси історії Закарпаття: в 3 т. Т. III. (1946–1991). Ужгород: Госпрозрахунковий редакційно-видавничий відділ управління у справах преси та інформації, 2003. С. 35–43.
12. *Макарчук С.А.* Етнографія України. Навч. посібник. Львів: Світ, 2004. URL: http://www.ebk.net.ua/Book/history/makarчук_eu/part5/502.htm (дата обращения: 23.02.2020).
13. *Маркусь В.* Приєднання Закарпатської України до Радянської України 1944–1945 / Пер. з франц. Київ: Інтел, 1993. 111 с.
14. *Марьина В.* К событиям в Подкарпатской Руси 1944–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 130–142.
15. *Марьина В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.
16. *Мищанин В.* Радянізація Закарпаття 1944–1950 рр. Ужгород: РІК-У, 2018. 644 с.
17. *Офіцинський Р.А.* Загальна характеристика радянського періоду в історії Закарпаття // Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород: Ліра, 2010. С. 252–253.
18. *Офіцинський Р.А.* Номенклатура // Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород: Ліра, 2010. С. 255–257.
19. *Офіцинський Р.А.* Фіктивні вибори // Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород: Ліра, 2010. С. 254–255.
20. *Патнем Г.* Розум, істина й історія: пер. з англ. Київ: Альтернативи, 2003. 231 с.
21. Політична історія України. Посібник для студентів вищих навчальних закладів / За ред. В.І. Танцюри. Київ: Видавничий центр «Академія», 2001. 488 с.
22. *Працко Г.С., Шпак Г.Ю.* Политические транзиты и трансформации // Философия права. 2013. № 5 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tranzity-i-transformatsii> (дата обращения: 14.03.2020).
23. *Протьюко Т.С.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.). Минск: Тессей, 2002. 688 с.
24. *Пушкаш А.* Цивілізація или варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа, 2006. 564 с.
25. *Филюшкин А.И.* Теория и методология истории. Б.М.: Studme.org., 2017.

URL: https://studme.org/77619/istoriya/istoricheskoe_prostranstvo#521 (дата обращения: 12.03.2020).

26. Химинець Ю. Тернистий шлях до України. Ужгород: Гражда, 1996. 399 с.
27. Шандор В. Спомини. Т. II. Карпатська Україна (1939–1945). Ужгород, 2000. 245 с.
28. Encyclopedia of Ukraine. Toronto, 1987. Vol. 1. 952 p.
29. Encyclopedia of Ukraine. Toronto, 1993. Vol. 5. 886 p.
30. Rychlík J., Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946. Vyšehrad, 2016. 47 s.
31. Švorc P. Zakletá zem: Podkarpatská Rus 1918–1946. Praha: Lidové noviny, 2007. 320 s.
32. Vidňanský S., Gajdoš M. Niektoré osobnosti nastolenia totalitného režimu v Zakarpatskej Ukrajině // Od diktatury k diktaturě. Slovensko v rokoch 1945–1953. Bratislava, 1995. S. 80–87.

REFERENCES

1. Arendt, H. (2002) *Dzherela totalitarizmu* [The Origins of Totalitarianism]. Translated from English. Kyiv: Dukh i litera.
2. Balandier, J. (2001) *Politicheskaya antropologiya* [Political Anthropology]. Translated from French by E.A. Samarskaya. Moscow: Nauchnyy mir.
3. Gavrov, S.N. (2010) *Modernizatsiya Rossii. Postimperskiy tranzit* [Modernization of Russia. Post-Imperial Transit]. Moscow: MGUDT.
4. Gritsak, Ya. (1996) *Naris istorii Ukraïni. Formuvannya modernoi natsii XIX–XX st.* [Essay on the history of Ukraine. Formation of a modern nation of the 19th – 20th centuries]. Kyiv: Geneza.
5. Applebaum, A. (2017) *Zalizna zavis. Priborkannya Skhidnoi Evropi 1944–1956* [Iron Curtain. Taming of Eastern Europe 1944–1956]. Translated from English by I.V. Garnik. Kyiv: Kievo-Mogilyans'ka akademiya.
6. Vegesh, M.Ch. & Fedinets, Ch. (eds) (2010) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia 1919–2009: history, politics, culture]. Uzhhorod: Lira.
7. Magocsi, P.R. (2007) *Istoriya Ukraïni* [History of Ukraine]. Kyiv: Kritika.
8. Makara, M. (1995) *Zakarpats'ka Ukraïna: shlyakh do vozz'ednannya, dosvid rozvittu (zhovten' 1944 – sichen' 1946 rr.)* [Transcarpathian Ukraine: the path to reunification, the experience of development (October 1944 – January 1946)]. Uzhhorod: Patent.
9. Makara, M. (2003a) *Ideologichni ta administrativni zakhodi* [Ideological and administrative measures]. In: Granchak, I. (ed.) *Narisi istorii Zakarpattya: v 3 t.* [Essays on the history of Transcarpathia: in 3 vols]. Vol. 3. Uzhhorod: Gosprozrakhunkoviy redaktsiyno-vidavnychiy viddil upravlinnya u spravakh presi ta informatsii. pp. 58–73.
10. Makara, M. (2003b) *Utverdzheniya radyans'kogo ladu* [Approval of the Soviet system]. In: Granchak, I. (ed.) *Narisi istorii Zakarpattya: v 3 t.* [Essays on the history of Transcarpathia: in 3 vols]. Vol. 3. Uzhhorod: Gosprozrakhunkoviy

redaktsiyno-vidavnichiy viddil upravlinnya u spravakh presi ta informatsii. pp. 43–57.

11. Makara, M. (2003c) Formuvannya organiv vladi na mistyakh. Vibori do Verkhovnikh Rad SRSR ta URSR [Formation of local authorities. Elections to the Supreme Soviets of the USSR and the USSR]. In: Granchak, I. (ed.) *Naris istorii Zakarpattya: v 3 t.* [Essays on the history of Transcarpathia: in 3 vols]. Vol. 3. Uzhhorod: Gosprozrakhunkoviy redaktsiyno-vidavnichiy viddil upravlinnya u spravakh presi ta informatsii. pp. 35–43.

12. Makarchuk, S.A. (2004) *Etnografiya Ukraini* [Ethnography of Ukraine]. Lviv: Svit. [Online] Available from: http://www.ebk.net.ua/Book/history/makarchuk_eu/part5/502.htm (Accessed: 23rd February 2020).

13. Markus, V. (1993) *Priednannya Zakarpats'koï Ukraini do Radyans'koï Ukraini 1944–1945* [Annexation of Transcarpathian Ukraine to Soviet Ukraine 1944–1945]. Translated from French. Kyiv: Intel.

14. Marina, V. (2002) K sobytyiam v Podkarpatskoy Rusi 1944–1945 gg. [On the events in Subcarpathian Rus 1944–1945]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 3. pp. 130–142.

15. Marina, V. (2003) *Zakarpatskaya Ukraina (Podkarpatskaya Rus') v politike Benesha i Stalina. 1939–1945 gg. Dokumental'nyy ocherk* [Transcarpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in the policy of Benes and Stalin. 1939–1945. A documentary sketch]. Moscow: Novyy khronograf.

16. Mishchanyn, V. (2018) *Radyanizatsiya Zakarpattya 1944–1950 rr.* [Sovietization of Transcarpathia in 1944–1950]. Uzhhorod: RIK-U.

17. Ofitsinskiy, R.A. (2010a) Zagal'na kharakteristika radyans'kogo periodu v istorii Zakarpattya [General characteristics of the Soviet period in the history of Transcarpathia]. In: Vegesh, M.Ch. & Fedinets, Ch. (eds) (2010) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia 1919–2009: history, politics, culture]. Uzhhorod: Lira. pp. 252–253.

18. Ofitsinskiy, R.A. (2010b) Nomenklatura [Nomenclature]. In: Vegesh, M.Ch. & Fedinets, Ch. (eds) (2010) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia 1919–2009: history, politics, culture]. Uzhhorod: Lira. pp. 255–257.

19. Ofitsinskiy, R.A. (2010c) Fiktivni vibori [Fictitious elections]. In: Vegesh, M.Ch. & Fedinets, Ch. (eds) (2010) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia 1919–2009: history, politics, culture]. Uzhhorod: Lira. pp. 254–255.

20. Putnem, G. (2003) *Rozum, istina y istoriya* [Reason, Truth, and History]. Translated from English. Kyiv: Al'ternativi.

21. Tantsyura, V.I. (ed.) (2001) *Politichna istoriya Ukraini* [Political History of Ukraine]. Kyiv: Akademiya.

22. Pratsko, G.S. & Shpak, G.Yu. (2013) Political Transits and Transformations. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 5(60). pp. 69–73 (in Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tranzity-i-transformatsii> (Accessed: 14th March 2020).

23. Protko, T.S. (2002) *Stanovlenie sovetskoy totalitarnoy sistemy v Belarusi*

(1917–1941 gg.) [Formation of the Soviet totalitarian system in Belarus (1917–1941)]. Minsk: Tessey.

24. Pushkash, A. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e 1918–1945* [Civilization or barbarism: Transcarpathia 1918–1945]. Moscow: Evropa.

25. Filyushkin, A.I. (2017) *Teoriya i metodologiya istorii* [Theory and Methodology of History]. [Online] Available from: https://studme.org/77619/istoriya/istoricheskoe_prostranstvo#521 (Accessed: 12th March 2020).

26. Khiminets, Yu. (1996) *Ternistiy shlyakh do Ukraini* [Thorny way to Ukraine]. Uzhhorod: Гразда.

27. Sandor, V. (2000) *Spomini* [Memories]. Vol. 2. Uzhhorod: [s.n.].

28. Kubijovyc, V. (ed.) (1987) *Encyclopedia of Ukraine*. Vol. 1. Toronto: University of Toronto Press.

29. Husar Struk, D. (ed.) (1993) *Encyclopedia of Ukraine*. Vol. 5. Toronto: University of Toronto Press.

30. Rychlík, J. & Rychlíková, M. (2016) *Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946*. Vyšehrad.

31. Švorc, P. (2007) *Zakletá zem: Podkarpatská Rus 1918–1946*. Prague: Lidové noviny.

32. Vidňanský, S. & Gajdoš, M. (1995) Niektoré osobnosti nastolenia totalitného režimu v Zakarpatskej Ukrajine. In: Barnovský, M. (ed.) *Od diktatúry k diktatúre. Slovensko v rokoch 1945–1953*. Bratislava: Veda. pp. 80–87.

Мищанин Василь Васильевич – доктор исторических наук, доцент кафедры современной истории Украины и зарубежных стран Ужгородского национального университета (Украина).

Vasyl V. Mishchanyn – Uzhgorod National University (Ukraine).

E-mail: vasyll.mistchanyn@uzhnu.edu.ua